В диссертационный совет 24.2.336.04
на базе федерального государственного
автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Московский государственный
юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»
125993, г. Москва, ул. Садовая-
Кудринская, 9

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Ильиной Татьяны Николаевны на тему «Историко-правовые модели высших судебных органов в России в XVIII – XX веках», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки в диссертационном совете 24.2.336.04, созданном на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Диссертация Т.Н. Ильиной представляет собой уникальное по своему содержанию, полностью самостоятельное исследование фактического состояния высшего аппарата судебной системы (высших судебных органов) России в XVIII – XX веках.

Актуальность темы анализируемого диссертационного исследования (с. 3-5 автореферата, с. 4-6 диссертации). В текущий момент времени уже мало кем оспаривается давно уже ставший привычным факт, что судебная власть в государстве, а равно ее аппарат – конкретная судебная система, включая ее высшие органы, во-первых, суть до конца неизученные феномены. В текущий момент времени нас интересуют только два основных (базовых) вопроса: данные феномены – категории познаваемые или? Если мы вдруг согласимся, что перечисленные феномены, включая высшие судебные органы государства, в очерченный соискателем ученой степени исторический период (XVIII – XX века) при современном уровне развития отечественной историко-правовой науки познаваемы, то все-таки в какой мере?

Наши рассуждения неизбежно будут включать в себя анализ такого значимого философско-правового элемента в нашем мышлении, каковым является категория «феномен» (фр. phenomene), что позволит плавно перейти к исследованию системной совокупности обязательных для организации всех видов и форм судебной деятельности таких категорий как: «вера», «доверие», «veritas» (истина), «авторитет», «право», «государство»,

«государственный аппарат», «аппарат судебной власти», «высшие органы аппарата судебной власти», «эффективность высших органов судебной власти», «власть права государства и суда». Именно об особом совокупном и системном единстве перечисленных понятий в исключительно важный, судьбоносный период времени в истории нашей Родины (в XVIII – XX веках) рискнула подготовить к защите свое фундаментальное диссертационное исследование Т.Н. Ильина. Данное обстоятельство наглядно свидетельствует, как о научной смелости самого соискателя ученой степени доктора юридических наук, так и ее научного консультанта – проф. И.А. Исаева.

Наш современник (1952 года рождения) Андре Конт-Спонвиль – французский философ, сторонник материализма и атеизма (отстаивающий светскую духовность) констатирует: «феномен – это не иллюзия, а воспринимаемая реальность (в отличие от «ноумена» - сущности, постигаемой только умом». То есть, фантазии, нарратива, в лучшем случае, научной гипотезы. Феномен высших судебных органов России в XVIII – XX веках (как и любого иного государства) это – реальность для нас (в противоположность неверифицируемой «вещи в себе» И. Канта). Мы полностью соглашаемся философом-экзистенциалистом Жаном-Полем Шарлем Эмаром Сартром, который довольно буднично зафиксировал мысль о том, что феномен – «сам себя разоблачает, как есть, в абсолютном выражении, поскольку раскрывается в своей сущности.

Да, изучаемый Т.Н. Ильиной феномен – высшие судебные органы государств российского в XVIII – XX веках может быть: и изучен, и на монографическом уровне описан. Наконец, вспомним Клемана Россе, который на понятие «феномен» смотрел совершенно также, как и наш уважаемый соискатель ученой степени – Татьяна Николаевна Ильина, то есть предельно просто, называя его «реальностью»[1]. Запомним, этот первый и наиважнейший вывод диссертанта: высшие судебные органы России в XVIII – XX веках в их идеологическом и структурном единстве – суть познаваемая реальность!

При этом хорошо известно, что порой наша «вера» (foi) – убеждение, не подкрепленное никакими доказательствами, легко обходится без конкретных исторических знаний о праве и государстве, заменяя их волей наших учителей, а то и просто доверием или благодатью. При этом философ А. Конт-Спонвиль недвусмысленно предупреждает всех исследователей (в том числе и Т.Н. Ильину): «верить – значит слепо подчиняться». «Всякая вера грешит самонадеянностью и отсутствием знания». В предисловии ко 2-ому изданию книги «Критика чистого разума» И. Кант писал: «о вынужденном ограничении знания, чтобы освободить место вере». На что А. Конт-Спонвиль глубокомысленно ответил, что на протяжении последних 25

---

[1] См.: термин «феномен», Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна. 2012. С. 659.

столетий ученые (в том числе, и наш соискатель – Т.Н. Ильина) занимаются как раз обратным[2], они предпочитают устанавливать истину.

Анализируя категории «вера», «доверие» к верифицируемому историческому «знанию» о высших судебных органах в России «имперского» и «советского» периодов, а равно к современному постисторическому «послезнанию» (как обо этом недвусмысленно говорит и Т.Н. Ильина) нельзя забывать и о категории «veritas» (истине) – «точном соответствии между мыслимым и реальным»[3].

Если конкретно, то применительно к анализируемому диссертационному исследованию речь идет о «том во что (слепо/неслепо) мы верим в истории» - в декларируемую форму методов познания российской действительности, или также в реальную эффективность конкретных государственных институтов, выключая высшие органы судебной власти.

При этом в своих рассуждениях официальный оппонент исходит из отрицания возможности существования такой категории, как «объективная истина». По нашему мнению, истина всегда – субъективна, ибо таковая (мгновение реальности в природе) – «наша истина» всего лишь оценка последней (реальности) субъектом[4], в анализируемой ситуации диссертантом Т.Н. Ильиной.

Несмотря на вышеприведенный тезис официальный оппонент, безусловно, полностью разделяет позицию соискателя ученой степени доктора юридических наук Т.Н. Ильиной в том, что вопросы, касающиеся организации правосудия вообще, его доктрины[5], как глубокой истории, так и текущей практики, а равно соответствующий им юридической техники являются предметом современной судебной феноменологии[6].

Мы же, продолжая рассуждения о высших органах судебной власти, отмечаем, что сама анализируемая власть – частный случай проявления власти вообще, таковая – не что иное как одна из форм публичной государственной власти. В этой связи, судебная власть, включая власть ее аппарата, свойственных ему высших органов судебного управления – метафизическая и историческая реальность, уникальные и, в то же время, закономерно возникающие *общественные отношения*, социальная природа которых заключается в потенциальной способности человечества, базируясь

---

[2] См.: термин «вера», Конт-Спонвиль А. Философский словарь. Указ. соч. С. 85-86.

[3] См.: термин «veritas», Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна. 2012. С. 86.

[4] Наша позиция по данному вопросу, в частности, высказана в таких научных публикациях, как: Колоколов Н.А. Момент истины // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. 4(5). С. 118-141; Он же. Уголовный процесс: чем обусловлен тернистый путь к истине // Российский правовой журнал. 2020. №1(2). С. 78-88 и мн. др.

[5] См. об этом: Перевалов В.Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации. М: Норма, 2022. – 168 с.; Судебные доктрины в российском праве: теория и практика / Отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. М.: ИЗиСП, Норма, 2021. – 344 с.

[6] Об этом см. подробнее: Колоколов Н.А. Правосудие в современной России: доктрина, текущая практика, юридическая техника // Правосудия в современной России. В 2-х т. Т. 1 / Под ред. Е.В. Михайловой. М.: ИД «Городец», - 728 с. С. 119-158.

в свой деятельность на такую только ему одному свойственную социальную ценность как право, посредством только одному ему ведомых средств, речи, символов и знаков мобилизовать свои ресурсы для разрешения определенных категорий социальных конфликтов, а равно наличие у общества права не только принимать решения в процессе их разрешения, но и добиваться путем неукоснительного следования нормам права обязательного их исполнения.

Таким образом, судебная власть, а равно власть ее самого высшего аппарата – это присущее социальной природе человека средство и необходимое условие функционирования высоко развитой социальной общности, а равно средство всеобщей связи (коммуникации), возникающее между высокоорганизованными людьми в процессе разрешения определенных категорий социальных конфликтов, символический посредник, обеспечивающий выполнение взаимных для граждан и государства обязательств на основе норм права.

Судебная власть в лице высших органов ее аппарата – институализация ожидания обществом того, что возникшим социальным конфликтам, их разрешению в соответствии с признанными в конкретном обществе законами и на их основе, в первую очередь, высшим аппаратом (высшими аппаратами) судебной власти будет уделено достойное (достаточное) внимание. Судебная власть в лице ее высших органов в государстве – это принятая определенной человеческой общностью процессуально-правовая парадигма поведения субъектов права при разрешении социальных социально-значимых конфликтов. Деятельность аппарата судебной, включая его высшие органы, характеризуется многоаспектностью, сложностью, системностью[7] и исторической изменчивостью.

Власть судебная (само понятие и его специальное расширение) – термин, известный отечественной науке с XVIII века, самое широкое применение получил в ходе Великой судебной реформы 1864 года. В частности, ст. 1 Учреждения Судебных Установлений от 20 ноября 1964 года гласит: «Власть судебная принадлежит: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам, Правительствующему Сенату». Позже, в 1888 году фактически властью судебной в некоторых местностях были наделены земские участковые начальники. Согласно общему правилу (пусть и с определенными изъятиями), власть судебная распространялась на лиц всех сословий (ст. 2 Указ. Учреждения).

С некоторых пор (вспомним основные положения о суде: в конституции РСФСР 1918 года; главу X «Суд и прокуратура» в «сталинской» конституции 1936 года; главу 20 «Правосудие, арбитраж и прокурорский

---

[7] См. подробнее: Колоколов Н.А. Судебная власть: о сущем феномена в логосе. М.: ИГ «Юрист», 2005. – 560 с.; Он же. О праве, суде и правосудии: (избранное) М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2006. – 687 с.; Он же. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М.: ИГ «Юрист», 2010. – 400 с. и др.

надзор» в «брежневской» конституции 1978 года»; а равно главу 7 «Судебная власть и прокуратура» Конституции РФ 1993 года) «судебная власть – это еще и особая государственно-правовая категория уровня Основного Закона, в полном объеме признанная юридической наукой. Более того, судебная власть на конституционном уровне ныне официально провозглашена одной из ветвей государственной власти (ст. 10 Конституции РФ).

При этом особо следует подчеркнуть, что диссертант Т.Н. Ильина отстаивает позицию, согласно которой судебная власть – объективная реальность, ее существование для общества и государства всегда есть имманентный факт, то есть, вне зависимости формального признания/непризнания существования таковой (например, в СССР) в конституции какой-то конкретной страны или в какой-то конкретный исторический период. В настоящее время российские ученые прекрасно знают и понимают то, что судебная власть - реальна в странах, вообще не имеющих традиционной конституции.

Судебная система – материализованный как в нашем сознании, так и в материальном мире аппарат судебной власти, со всеми свойственными ему атрибутами органа иерархизированной государственной власти, включая его высшие органы.

Трудно не согласиться с диссертантом Т.Н. Ильиной в том, что судебная власть в России, история аппарата которой (включая высшие органы судебной власти) равна всему периоду существования нашего государства в своем уникальном историческом развитии прошла длительный, во многом самобытный, путь эволюции. Безусловно, права Т.Н. Ильина и в том, что отечественная судебная система России постоянно подвергается как системным, так и внесистемным преобразованиям, причины, содержание и результаты которых уже в силу данного обстоятельства, однозначно, требуют регулярного (в режиме правового мониторинга) научного осмысления.

Для процессов реформирования организации власти в любом государстве и свойственного данной организации аппарата (механизма) власти, характерна особая система прямых и обратных связей. В рамках данной системы, как правило, сначала выстраивается прямая связь: политическое реформирование организации государственной власти в целом (естественно, включая и власть судебную), естественно, что реформируется в том числе и аппарат последней – судебная система, включая ее высшие органы власти. Обратная связь: реформирование судебной системы неизбежно влечет выстраивание новых (а то и вовсе инновационных) отношений в обществе, что, в свою очередь, предполагает реформу всей системы власти в государстве, более того, перераспределение (а то и метаморфозу) властных компетенций.

Диссертант пишет о «постоянном поиске отечественным законодателем оптимальной модели организации правосудия». При этом автор ссылается на мнение проф. Л.В. Головко, утверждающего, что Россия «никак не может построить понятную, логичную и институционально корректную судебно-инстанционную пирамиду ни в судоустройственном

смысле, ни в процессуальном»[8]. Ниже соискатель Т.Н. Ильина отмечает, что «перманентное реформирование судебной системы в России в последнее тридцатилетие вызвано не только преодолением наследия советской эпохи, но и стремлением достичь некого идеала для повышения эффективности правосудия. При этом в отдельных случаях законодатель не ограничивался незначительными корректировками, а допускал тектонические изменения, подразумевающие смену ключевых принципов организации судебной власти».

В чем в данный момент правы, а в чем и нет, как проф. Л.В. Головко, так и соискатель ученой степени доктора юридических наук Т.Н. Ильина. Во-первых, проф. Л.В. Головко в своей статье, из которой автором диссертации почерпнута вышеприведенная цитата, пишет о таком российском уникуме (инновации), как «прямая» кассация. При этом Леонид Витальевич в свой публикации скромно умалчивает о главном: причинах, которые побудили авторов закона учредить данный вид кассации.

А причины, увы, таковы: самостоятельного и независимого суда в России, как не было во время Петра Первого, так и нет и поныне. Данное обстоятельство побудило законодателя учредить «выведенную на кончике пера» совокупность Кассационных судов общей юрисдикции (КСОЮ – учрежденных ФКЗ 29 июня 2018 года №1-ФКЗ), которые по замыслу авторов идеи должны были «взлететь» над обвинительным уклоном, свойственных судам местным и региональным.

Уже в текущий момент времени мы имеем право констатировать, что КСОЮ – очередной исторический эксперимент в формировании аппарата судебной власти, который уже подвернут эрозии (см. ФКЗ от 9 апреля 2026 года №1-ФКЗ, Федеральный законы от этой же даты №78-ФЗ и №80-ФЗ).

В данном случае, думается имеются все основания вспомнить высказывание приписываемое Элен Каррер д. Анкосс одному из виднейших деятелей в сфере судебно-правовых реформ – М.М. Сперанскому: «Законы могут быть английскими и греческим, а вот управление останется турецким».

Действительно, не будем путать судебную власть (отношения в народе и государстве в целом), с власть конкретного суда, путь и его высших судебных органов.

В то же время, у проф. Л.В. Головко по поводу компетенции власти судебной (ее высших органов) нетрудно найти действительно интересные суждения, касающиеся допуска судов к решению задач государственного уровня.

Не случайно Бруно Латур, раскрывая этнографию Государственно Совета Франции, пишет о фабрике права.

---

[8] Головко, Л.В. Институт «сплошной кассации» в уголовном процессе: позитивная инновация или очередная деформация // Закон. 2021. № 10. С. 32-43.

Наша (официального оппонента) позиция такова, в советский период марксизм с присущей ему парадигмой государства – аппарата классового насилия исповедовался обществом на уровне религии, а суд рассматривался всего лишь как один из инструментов единой командно-административной системы, поэтому исследование правосудия в качестве самостоятельного способа разрешения самых разнообразных социальных конфликтов в число приоритетных научных изысканий никогда не входило. Более того, отвержение по идеологическим соображениям концепции разделения властей полностью лишило ученых возможности правильно определить природу суда, его значимость в общественном развитии.

Поэтому нет ничего удивительного том, что в эпоху перемен, закономерно грянувших на рубеже II-го и III-го тысячелетий, российская правовая наука вошла без необходимой суммы теоретических знаний о власти вообще, государственной и судебной власти в частности. Результат длительной информационной самоизоляции нашего общества проявился также и в рамках последней судебной реформы: бурно начавшись в 1991 году, она вскоре сама по себе приостановилась, так как суд по инерции трансформировали и до сих пор трансформируют «по образу и подобию» структур исполнительной власти, упустив из вида то, что судебно-властные правоотношения в отличие от административных по команде с верху в «правильную пирамиду» не выстраиваются, следовательно, традиционным для наших управленцев подбором да расстановкой кадров в становлении институтов судебной власти не обойтись. В этой связи реформаторам судебной системы пришлось ограничиться поспешным копированием апробированных в других странах законоположений[9], численным увеличением судейского корпуса да укреплением его материально-технического обеспечения. Хотя, некоторые специалисты и утверждают, что за 35 лет судебной реформы сделано немало, настоящего состязательного судопроизводства в России, как не было при советской власти, так нет его и при «демократическом» режиме. Судья очень многими россиянами по-прежнему воспринимается не как самостоятельный и независимый арбитр в споре равных сторон, а как заурядный чиновник, которого «слабый» униженно просит защитить от «сильного», несмотря на то что стороны в состязательном процессе уравновешивает не стоящая за ними физическая или экономическая мощь, равно приближенность к правящей элите, а право, ценность которого уже признана большинством населения страны[10].

Если образно, то здание «советского» суда (1917-1991 гг.) по сравнению с судом «царским» пореформенным (1864-1917 гг.) и в прямом, и

---

[9] Вспомним, «чужие формы добровольно берутся тогда, когда нет своих». См.: Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга VII. История России с древнейших времен. Т. 13-14. М.: Мысль, 1991. С. 20.

[10] Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. М.: ИГ «Юрист», 2007. – 237 с.;

в переносном смысле представляло весьма печальное зрелище. Если говорить конкретно о пространстве правосудия[11].

Судебная практика (включая директивную практику высших судебных инстанций) – это всегда в определенной мере значимая/незначимая часть практики органов управления в целом.

Все годы советской власти (господства аппаратов ВКП (б), КПСС, особом месте и значимости аппаратов НКВД, МГБ, КГБ[12]) отношения к судам было, если не совсем уж и презрительным, то, как минимум, снисходительным. В 1939 году во всесоюзном сатирическом журнале «Крокодил» появилась такая публикация: «Куда идти, кому жаловаться». Минимум текста: «В ряде районов Москвы народные суды ютятся в непригодных помещениях». Обыватель, глядя на такое «непригодное» строение, обращаясь к прохожему, вопрошает: «Как можно жить в такой лачуге? Почему жильцы не обращаются в суд?» Прохожий в ответ: «Да, здесь самый суд и помещается»[13].

Автор этих срок хорошо помнит, как выглядели народные суды (да и не только суда районного звена, областные, краевые суды и высшие судебные инстанции) в «советский» период времени. Скажем больше, свою судебную деятельность в самом конце 1991 года автор начал в общежитии завода «Элеватормельмаш», в десятке помещений которого ютился Промышленный районный суд г. Курска. В здание специально для отправления правосудия – фактически священнодействия, данный суд переехал только во втором десятилетии XXI века.

В текущий момент времени (1991-2025 гг.) российское научное сообщество историков и юристов сосредоточилось на тотальном переосмыслении всех бесчисленных судебных реформ «великокняжеского» (IX-XVI вв.), «царского» (XVI-начало XVII вв.) и «имперского» (1721-1917 гг.) периодов. С некоторых пор отдельные ученые (включая и нашего соискателя ученой степени доктора юридических наук) начинают увлекаться анализом аморфной совокупности судебных реформ (преобразований) 1917-2025 годов.

Особо следует подчеркнуть, что громадное внимание современная историко-юридическая наука уделила (уделяет) анализу Великой судебной реформы 1864 года. Несмотря на то, что с тех пор минуло более 160 лет, однозначной оценки событий, имевших место, как непосредственно в годы этой реформы (1864-1876 гг.), так и в последующий за ней период (1877-1917

---

[11] См. подробнее: Аргунов А.В. Пространство правосудия. М.: Городец, 2021. – 352 с. с илл.

[12] Классический пример: построенный в 1931-1932 гг. «большой дом», «из окон которого, говорят, бил виден даже Магадан» (как читателю данный символ эпохи), - здание ОГПУ-НКВД-МГБ-ГУВД-КГБ-ФСБ в Санкт-Петербурге на Литейном проспекте, д. 6. (архитекторы: А.И. Гегелло, 1891-1965 гг., А.А. Оль, 1883-1958 гг., Н.А. Троцкий, 1895-1940 гг.)

[13] Куда идти, кому жаловаться // Крокодил. 1939. №26. С. 3.

гг.) нет. С сожалением мы вынуждены также отметить и тот факт, что очень многими современными исследователями результаты Великой судебной реформы 1864 года буквально переоцениваются, то есть из их уст фактически звучит лозунг «Вперед в прошлое» (например, такова точка зрения одного из авторов Концепции судебной реформы 1991 года А.С. Пашин). При этом совершенно очевидно, что апологеты идей, связанных с реинкарнацией (перевоплощением) пусть и когда-то великого прошлого, напрочь забыли предостережение древних о том, что «в одну и ту же реку нельзя войти дважды» (Гераклит Эфесский, 544-483 гг. до н.э.).

Еще труднее современной юридической науке даются оценки нашего сравнительно недавнего, «советского» прошлого. Это только считается, что «прошлое становится только ясней, ясней, ясней..» (Б.Ш. Окуджава, 1924-1997 гг., стихотворение «Простите пехоте…»), на самом деле (в том числе, в вопросах судебного строительства) ясного очень немного.

Помнится, Учитель автора отзыва по истории государства и права СССР – директор института истории Академии наук Молдавской ССР – П.В. Советов (1927-1991 гг.), нам, своим студентам, (1978-1979 гг.) любил повторять, что к освещению истории «советского» периода (1917-1978 гг.) приступать рановато.

В силу целого комплекса реальных причин мы вынуждены согласиться с диссертантом Т.Н. Ильиной в том, что «комплексных научных трудов в отношении всех судебных реформ в России, в том числе и XVIII – XX веках, de facto. Скажем больше, на текущий момент времени отсутствует даже устоявшаяся периодизация преобразований в сфере судебного строительства, имевших место в 1721-1991 годах. В то же время, нельзя отрицать очевидного: судебная власть в данный исторически продолжительный период времени, безусловно, существовала, как и полностью были реальны феномены как императорского, так и «советского» суда, включая описываемые Т.Н. Ильиной высшие органы судебной системы.

Нельзя не отметить, что преобразования в советском обществе, имевшие место в изучаемый диссертантом период, прошли, во-первых, под знаком (существовавшим еще с революционных времен) того, что суд – это, в первую очередь, орудие расправы. Проф. М.М. Исаев (1880-1950 гг.) по этому поводу с горечью отмечал, что из пяти Судебных коллегий Верховного Суда СССР – гражданская только одна[14]. Также не случайно, Институт государства и права АН СССР, изучая эффективность правосудия, ограничился исключительно проблемой освещения судопроизводства только по уголовным делам[15].

---

[14] Исаев М.М. Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. М.: Московский большевик, - 135 с. С. 11.

[15] Эффективность правосудия и проблемы устранения судебных ошибок. I часть отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: ИГиП АН СССР, 1975. – 300 с., II часть М.: ИГиП АН СССР, 1975. – 300 с.

Не посмеем отрицать очевидного, в судах к делам гражданским до середины 90-х годов прошлого века относились в целом скептически – «дела тряпичные». Автор отзыва застал данный период в эволюции правосознания судейского корпуса. Скажем еще больше, начиная, пожалуй, только с текущего (2025 года) кардинально изменилась структура ежеквартальных Обзоров Президиума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики. Так, в Обзоре за четвертый квартал текущего года освещение практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ (еще несколько лет назад занимавшее в Обзорах самые первые страницы) сместилось ближе к 100-й странице. Как видим, коррекция в понимании о значимости тех или иных видов судебной деятельности в условиях из закрепления в Конституции РФ (ч. 2 ст. 118) растянулась более чем на три десятилетия.

Общая структура организации судопроизводства в «советский» период (1917-1991 гг.) по идеологическим установкам, методам работы принципиально отличалась от таковой в дореволюционном формате. В текущий момент времени практически не оспаривается тезис о том, что идейные вдохновители, а заодно и организаторы «советской» судебной деятельности (начиная с В.И. Ленина, большинства его ближайших соратников, например: Н.В. Крыленко, П.И. Стучка), порицая «буржуазный» суд прошлого, не имели четкого представления, каким будет суд будущего. При этом, совершенно очевидно также и то, что в 1917-1991 годах ни действующие судьи, ни общество в целом, ничего не знали (да и в условиях искусственной информационной изоляции знать не могли) о том, каким вообще должен быть суд, и какова его роль в современном обществе.

Основным механизмом разрешения споров в «советский» период являлись разного рода органы: 1) «партийные» (от первичной организации, райкома до ЦК КПСС, его Политбюро), 2) государственные инстанции , например, прокуратура, а также 3) «советские» и 4) «профсоюзные» инстанции, объем классических гражданско-правовых споров, подсудных народным судам, был крайне незначителен.

Степень изученности темы. Соискатель ученой степени совершенно справедливо отмечает, что «дореволюционные авторы заложили традицию, согласно которой основное внимание уделялось общим вопросам истории судоустройства, при этом особое место отводилось изучению судебной реформы 1864 года и ее институтам. Советская историко-правовая наука сохранила ориентацию на освещение опять-таки общих вопросов истории суда. Весьма разумен своевременный вывод Т.Н. Ильиной о том, что «необходимо систематизировать исследования, непосредственно затрагивающие генезис и эволюцию высших судебных инстанций в России, а также теоретические подходы к пониманию их природы и трансформации их полномочий». Решению этой задачи посвящен отдельный параграф диссертации.

Объект и предмет диссертационного исследования его автором определены правильно (с. 9 автореферата, с. 11 диссертации). Мы полностью согласны с обоснованием Т.Н. Ильиной выбора хронологических рамок исследования: 1721-1991 гг. (с. 9 автореферата, с. 11-12 диссертации).

Общие цели и **конкретные задачи** исследования. Представляется, что цель исследования диссертантом выявлена корректно, задачи перед собой Татьяна Николаевна поставила вполне разрешимые (с. 9-10 автореферата, с. 12-13 диссертации).

Естественно, что при таких обстоятельствах неизбежно возникает вопрос, а в чем же тогда главная интрига научного поиска, осуществленного диссертантом? С нашей точки зрения, таковая заключается в том, что автором анализируемого нами монографического труда в освещении комплекса всей совокупности феноменов, свойственных судебному строительству в XVIII–XX веках.

Таким образом, наш итоговый вывод: соискателем предельно ясно и точно определены цели и задачи исследования, его объект, предмет и пределы, структура и содержание работы, круг исследуемых проблем и вопросов.

Методология (с. 10-11 автореферата, с. 13-14 диссертации) осуществленного Т.Н. Ильиной диссертационного исследования основана на использовании метода материалистической диалектики, предоставляющего возможность проследить связь государства и права с происходящими в обществе на определенном этапе его развития процессами; всесторонне познать правовые и государственно-властные явления в их развитии; провести комплексный анализ развития суда; установить место и значение судебных реформ в государственных преобразованиях исследуемого периода.

В работе также применены общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, восхождения от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному. Их арсенал средств познания позволил установить предмет исследования, определить необходимую совокупность понятий для анализа судебных преобразований в России в XVIII–XX века. В число использованных общенаучных методов вошли исторический и системный методы. Они позволили установить динамику развития судебной системы и судопроизводства, выявить системные изменения.

В диссертационном исследовании использовались и частно-научные методы, которые позволили провести комплексный анализ предпосылок и причин всех судебных реформы изучаемого периода, а также произошедших изменений в области судоустройства и статуса судей, судопроизводства по гражданским и уголовным делам. Формально-юридический метод применялся для выявления нормативных правовых актов, касающихся судоустройства, судопроизводства и статуса судей в обозначенных в

исследовании периодах. Еще он использовался в связи с потребностью уяснения смысла каждого из нормативных правовых актов и отдельных норм. Сравнительно-правовой метод использовался в диахронном варианте, который применялся при выявлении качественно новых преобразований суда в ходе исследуемой судебной реформы. С помощью статистического метода были выявлены показатели работы судебных органов, их кадровый состав, что позволило сформировать комплексную картину функционирования суда в обозначенные периоды времени. Метод классификации был применен в целях упорядочения различных источников, использованных в рамках настоящего исследования.

Теоретическую основу исследования (с. 11-12 автореферата, с. 14-16 диссертации) обоснованно составили идеи отечественных и зарубежных ученых, в числе которых: С.С. Алексеев, А. Барак, А.Б. Венгеров, Б.В. Виленский, В.Г. Графский, Р. Давид, А.А. Дорская, Н.Н. Ефремова, В.В. Захаров, И.А. Исаев, С.В. Кодан, М.В. Немытина, В.С. Нерсесянц, Д.А. Пашенцев, Д.О. Серов, А.С. Смыкалин, В.Н. Синюков, Ю.П. Титов, В.Е. Чиркин, О.И. Чистяков, С.В. Юшкова и другие.

Представление о судебной власти, ее основных институтах были осмыслены на основании работ: Н.С. Бондаря, С.В. Десницкого, Х.И. Гаджиева, А.Д. Градовского, И.В. Гессена, Г.А. Джаншиева, М.И. Клеандрова, А.Ф. Кони, М.Н. Коркунова, Н.В. Крыленко, О.Е. Кутафина, В.М. Лебедева, Т.Г. Моршаковой, В.И. Сергеевича, Е.А. Скрипилева, П.И. Стучки, В.М. Сырых, Б.Н. Чичерина и других.

Также активно соискателем ученой степени использовались теоретические концепции разработанные учеными-процессуалистами: Е.А. Борисовой, Е.В. Васьковским, Л.А. Воскобитовой, Л.В. Головко, Д.Я. Малешиным, М.С. Строговичем, И.Я. Фойницким, М.А. Чельцовым-Бебутовым и другими.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1711 года (указом Петра I учрежден Сенат, получивший статус высшего суда империи), до 1991 года (прекращения функционирования Верховного Суда СССР, слома прежней судебной системы, становление новой судебной власти на иных базовых принципах). Широчайшие хронологические рамки обусловлены запросом в историко-правовой науке на комплексные, «сквозные» исследования, позволяющие рассмотреть развитие конкретного государственно-правового института в динамике.

Структура диссертации построена логично и последовательно, соответствует задачам исследования.

Первая глава носит теоретический характер, предваряя основное исследование, выполненное в хронологическом ключе. В первой главе дается категориальный аппарат исследования. Введение понятия «историко-

правовой модели» с выделением нормативного, институционального и функционального уровней является весомым вкладом в методологию исследования. Также ценно различение ревизионной (исправление ошибок) и регуляторной (унификация практики) моделей, а также указание на их связь с моно- или полиинстанциональностью. Заслуживает высокой оценки авторская периодизация сферы верховного правосудия. Последовательно применен критерий функционального назначения и статуса высшего суда, что позволило автору сформулировать отличную от общепризнанных границ судебных преобразований, что демонстрирует научную самостоятельность диссертанта. Единственный дискуссионный момент – можно ли говорить о «сфере верховного правосудия» в XVIII веке с той же степенью системности, что и в XIX-XX веках, но автор сам честно указывает на ее аморфность в ранний период.

Вторая глава представляет собой детальное исследование дореформенного Сената и других институтов, входящих в сферу верховного правосудия в XVIII – начале XIX века. Положительным моментом выступает отказ от мифологизации Сената как единственного и всемогущего высшего суда: автор убедительно показывает сосуществование многих органов (император, Верховный тайный совет, Комитет министров), борьбу между ними и постепенное, крайне противоречивое обособление судебных функций Сената. Отдельно стоит отметь параграф об иных органах власти, исполняющих функции высших судов. Выявление объективных (чрезмерная обширность полномочий Сената) и субъективных (дворцовые перевороты) причин множественности высших судебных инстанций представляет собой самостоятельный политолого-правовой анализ. Глава насыщена фактологическим материалом, написана на основе широкого круга источников. Вывод о том, что Сенат первой половины XIX века оставался «предпредпоследней» перегруженной инстанцией, а не верховным судом в классическом понимании, звучит свежо и аргументированно.

Третья глава посвящена, безусловно, вершине дореволюционного судоустройства Кассационному Сенату 1864 года. Анализ подготовительных дискуссий (§ 3.1) раскрывает интеллектуальный контекст реформы: выбор между французской «чистой кассацией» и традиционной ревизией. Автор тонко подмечает российский компромисс моделей: с одной стороны – формально французская модель, а с другой – усиление тенденции на обеспечение единообразия практики, что придало Сенату черты регуляторной модели. В главе обосновывается, как моноинстанциональная модель столкнулась с реальностью, колоссальным потоком жалоб. Корректно представлен анализ реформы 1877 года. Автор объективно показывает, что экстенсивный путь (увеличение штата) доминировал над интенсивным (фильтрация жалоб), но при этом должно было сохранить единство кассации, как задумали «отцы судебной реформы».

Четвертая глава посвящена эволюции высших судебных органов в советскую эпоху, и здесь автор сохраняет высокую планку анализа. Ключевая идея главы состоит в анализе первых лет советской власти как периода революционного плюрализма моделей. Особенно ценно, что автор не изображает большевиков как последовательных строителей единой системы, а показывает реальный поиск. Анализ специализированных судов (§ 4.2) с выделением трех моделей организации верховного правосудия (административная, квазисудебная, общесудебная) можно рассматривать как вклад в историю советской юстиции. Далее, прослеживая эволюцию Верховного Суда РСФСР (§ 4.3), автор убедительно характеризует его как «гибридный институт», сочетающий правосудие с административным надзором и управлением. Сложный сюжет о соотношении компетенции ВС СССР и ВС РСФСР (§ 4.4) изложен ясно: показаны три периода (сосуществование, поглощение в 1938-1957 гг., реставрация полномочий). Финальный параграф о Постановлениях Пленумов – ключевой для понимания советского «судейского права»: автор доказывает, что при формальном отрицании источника права, эти акты обладали всеми признаками нормативности.

Пятая глава представляет собой анализ переходного периода: от советской к постсоветской судебной системе. В главе анализируются причины формирования «трехглавой» структуры верховного правосудия. Анализ законопроектов (§ 5.2) написан на основе архивных материалов, которые во многом впервые вводятся в научный оборот. Автор честно констатирует, что реформы того времени были хаотичными и политически обусловленными, а система верховного правосудия сохранила сильную преемственность с советской полиинстанциональной моделью. Это важный вывод, объясняющий многие черты современной российской судебной системы.

Заключение подводит итог масштабной работе, сформулированы основные выводы о длительном доминировании ревизионной модели в дореформенный период, о компромиссном характере Кассационного Сената (формально кассация, но с регуляторным акцентом), о гибридной полиинстанциональной модели Верховного Суда РСФСР/СССР, а также о разрыве с советской моделью в 1990-е годы в части создания трех высших судов – логично вытекают из текста.

В целом, диссертация представляет собой самостоятельное, законченное и новаторское исследование, имеющее несомненную научную и практическую ценность для понимания эволюции верховного правосудия в России.

Научная новизна работы обусловлена сформулированными выше целями и задачами и заключается в том, что автор – Т.Н. Ильина с позиций

современных требований историко-правовой науки впервые представила системный анализ формирования и развития сферы верховного правосудия в России в XVIII – конце XX века, что позволило сформулировать историко-правовые модели организации высших судебных органов.

Становление и развитие высших судебных органов рассмотрено диссертантом не только обстоятельно, но и через призму историко-теоретических моделей как сложных познавательных конструкций, описывающих особенности функционирования сферы верховного правосудия в конкретный период.

Новизна диссертационного исследования состоит в том, что на основе широкого анализа научной литературы и комплекса источников впервые исследуется процесс формирования и развития сферы верховного правосудия в проблемно-хронологическом аспекте, в своем становлении, приобретении определенных признаков и форм, эволюции изменения представлений о миссии высших судов, способах функционирования в определенных исторических условиях.

Организация верховного правосудия представлена в контексте судебных преобразований и с позиций современных методологических подходов. В работе обосновывается авторская периодизация развития сферы верховного правосудия, представлено своеобразие ее моделей и особенности их функционирования.

О научной новизне диссертационного исследования свидетельствуют и положения, вынесенные автором на защиту, каждое из которых отличается как объемом теоретической значимости, так и конкретной историко-правовой конкретикой.

Работа Т.Н. Ильиной содержит теоретические положения, совокупность которых вполне можно квалифицировать как в значительной степени новое крупное достижение в развитии теории государства и права. Содержащиеся в ней выводы и предложения способствуют решению научной проблемы, имеющей важное социально-политическое значение, а ее автор – заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук.

Как и любая работа, ставящая перед собой масштабные и амбициозные задачи, данное исследование не свободно от ряда недостатков, в частности, обратим внимание на следующие.

1. От автора диссертационного исследования Т.Н. Ильиной, в первую очередь, хотелось бы получить ответ на фактически прозвучавший выше по тексту вопрос: существовала ли в исследуемый им период времени последовательная и непротиворечивая доктрина (совокупность доктрин) суверенного суда России? Были ли разработаны российскими учеными (если да, то когда и кем?) основные принципы национального судопроизводства? В сравнительном плане, в частности, особый интерес, представляет вопрос, как

в исторической последовательности авторы реформ относились: 1) к состязательности сторон; 2) допустимости активности суда; 3) роли последнего в формировании правового пространства?

2. Исключительно важное практическое значение имели бы углубленные и основанные на эмпирическом знании пояснения Т.Н. Ильиной относительно понимания «простым» (исторически изменчивая категория) народом – потенциальным участником судоговорения роли вышестоящих судебных инстанций?

3. Представляется, что автору в полной мере не удалось обозначить четкую позицию относительно роли конкретной личности в обеспечении организации правосудия в масштабе страны в каждый из анализируемых ею периодов. Вместе с тем, именно идеология высшего эшелона кадрового корпуса правоприменителей – основа эффективности функционирования любой правовой системы.

Обозначенные нами недостатки, значительная часть которых прозвучала, в том числе, при перечислении множества реальных «достоинств» работы совершенно не влияет на общую положительную оценку данного исследования, оценку его актуальности, своевременности и оригинальности.

Диссертационное исследование Т.Н. Ильиной представляет собой оригинальную, самостоятельную и практико-ориентированную работу, выполненную на актуальную тему. Сделанные в работе выводы и предложения имеют большое значение для развития отечественной исторической и юридической науки. Безусловно, труд Т.Н. Ильиной имеет важное дидактическое значение.

Исследование отличается внутренней логикой, последовательностью и аргументированностью выводов, большая часть из которых была озвучена автором на конференциях различного уровня и опубликована в качестве журнальных статей. Ждем от автора диссертации публикации соответствующей монографии.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что диссертация Ильиной Татьяны Николаевны, представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук, на тему «Историко-правовые модели высших судебных органов в России в XVIII – XX веках» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук, установленных Положением о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года №842, является единолично выполненным и завершенным исследованием, а ее

автор – **Ильина Татьяна Николаевна** заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Официальный оппонент:
профессор кафедры теории и истории
государства и права
Московского педагогического
государственного университета,
судья Верховного Суда РФ
в почетной отставке,
доктор юридических наук
(специальности 12.00.01, 12.00.09),
доцент Колоколов Никита Александрович

«20» июля 2026 года

Сведения об официальном оппоненте:
Колоколов Никита Александрович – доктор юридических наук (специальности 12.00.01, 12.00.09), доцент, судья Верховного Суда РФ в почетной отставке, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского педагогического государственного университета.

Место работы: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», кафедра теории и истории государства и права; адрес: Россия, 119571, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, д.88. Тел +7 499 110-61-18; e-mail: mail@mpgu.su; официальный сайт: www.mpgu.su.

Подпись Колоколова Н.А.
УДОСТОВЕРЯЮ
Начальник Управления развития
кадрового потенциала
Н.А. Кузнецова